

МЫСЛИ ВЕЛИКИХ

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ОДУМАЙТЕСЬ!

ВОЙНА И МИРЬ,
ВЛАСТЬ И СОВЬСТЬ

Лев Николаевич Толстой Одумайтесь! Война и миръ, власть и совѣсть Серия «Мысли великих»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68756277

Одумайтесь! Война и миръ, власть и совѣсть. / Лев Толстой: Родина;

Москва; 2023

ISBN 978-5-00180-846-6

Аннотация

Великий писатель и великий бунтарь – таким был Лев Толстой. Мыслитель, который пытался перевернуть общепринятые представления о государстве, патриотизме, церкви, демократии, деньгах. Его публицистику запрещали, уничтожали, считали скандальной и взрывоопасной. Но она повлияла на мировоззрения миллионов людей. Толстовские идеи и сегодня не вписываются ни в какие рамки, но знать их необходимо. В этой книге собраны самые острые статьи Льва Толстого, посвященные войне и миру, пацифизму и патриотизму, религии и истинной вере, свободе и социализму.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Борьба Льва Толстого	5
Из «Заметок о Льве Толстом»	9
Одумайтесь!	18
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лев Толстой
Одумайтесь! Война и
миръ, власть и совѣсть

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

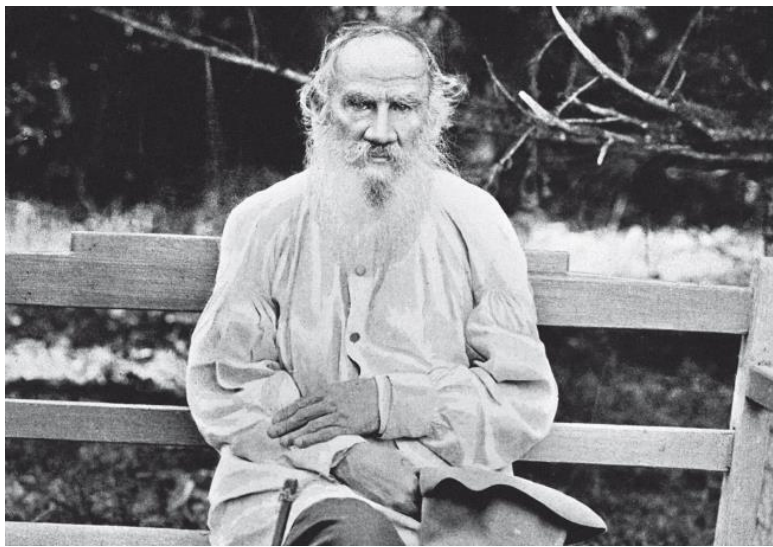
© Толстой Л.Н.

© Тростин Е.А.

© ООО «Издательство Родина», 2023

Борьба Льва Толстого

Перед вами сборник публицистики Льва Толстого – яростной, мощной, главное в которой – поиск правды, вопреки всему. Прежде всего – вопреки установкам государства, которые писатель считал ложными.

Лев Николаевич Толстой

Толстой знал, что такое война, был героем на полях сражений, участником Крымской войны. Защищал Севастополь.

Достигнув вершин писательской славы – не только российской, но и мировой – он из великого романиста превратился в великого бунтаря, самого опасного для политической системы, которая сложилась к тому времени в России. Его не устраивали столпы тогдашнего общества: основы самодержавия, православная церковь, ставшая почти карательным инструментом и фальшивый культ «народности» в неграмотной стране.

Лев Толстой, поднявший голос против Российской империи, против экономической и завоевательной политики. В начале XX века этот конфликт во многом определял борьбу за умы, которая развернулась в стране. И недаром Владимир Ленин назвал писателя «зеркалом русской революции». Хотя он был не только зеркалом, он не только отражал – он спорил, проповедовал. И, несомненно, был самым свободным человеком в стране. И слава, и статус великого писателя и мудреца позволяли ему ничего и никого не бояться. Как тогда говорили, в стране есть два царя. Один – в Зимнем дворце, другой – в Ясной поляне. И первый боится второго. Но надо заметить, что Толстой ненавидел не только российское самодержавие, но и систему ценностей, возникшую и торжествовавшую на Западе.

Толстой – из тех немногих мыслителей, которые без лицемерия, напрямую приняли библейские наставления. Ведь обычно их ловко приноравливают под политическую конъюнктуру... А он прямо говорил: и торговля землёй, и во-

енная экспансия – это не по-христиански. Далекой от христианства оказывалась, по этой логике, и церковь, в лице своих архиереев никогда не противоречившая государству. Впрочем, это касается не только православной, но и католической церкви. Толстой прямо отказывал «официальной» церкви в верности христианским идеалам. Результат известен – определение Святейшего правительствующего синода, в котором официально извещалось, что граф Лев Толстой более не является членом Православной церкви. Отлучение, которое принесло больше проблем церкви и России, чем писателю. Потому что Толстому верили больше, чем вельможам и «князьям церкви». За ним шла и интеллигенция, и значительная часть крестьянства, почти не читавшая Толстого, но считавшая его пророком – по легендам, по пересудам. У него появились фанатичные последователи – толстовцы, желавшие жить «по правде», верить в истинного Христа, не считаться с законами наживы, на которых в России держалось почти всё. Публицистику Толстого, девизом которой стало знаменитое «Не могу молчать!» запрещали, старались перечеркнуть, бросали против него «большую артиллерию» государства. Но его влияние на умы – прямое и косвенное – не сходило на нет.

Он хотел изменить мир. И верил, что слово правды может победить большие батальоны торжествующей лжи. А ложью Толстой объявил и казенный патриотизм, и церковь, и законы купле-продажи, и западную демократию. Всё это, на

мой взгляд, только оскверняет жизнь человека. Великий писатель прямо излагал эти крамольные идеи в своих статьях, которые запрещали в России куда чаще, чем публиковали. Но он оказал немало влияние на умы и в нашей стране, и за её пределами. Достаточно вспомнить Индию, которая стала свободной во многом благодаря философии Льва Толстого, переосмысленной Махатмой Ганди. Письма индийскому борцу за независимость вы найдёте в настоящем издании.

В этой книге собраны самые яркие и острые образцы толстовской публицистики. Начнём мы с самого известного антивоенного памфлета Льва Толстого, опубликованного в Лондоне в дни трагической для России русско-японской войны. А завершает сборник последняя статья великого старца, посвящённая социализму – еще одной проблеме, которой он болел до последних дней. Он написал её незадолго до своего ухода из дома и из жизни. Перед читателями откроется Толстой-мыслитель, Толстой-бунтарь, надеявшийся, что человечество придет к мирному и разумному существованию.

Евгений Тростин

Из «Заметок о Льве Толстом»

У него удивительные руки – некрасивые, узловатые от расширенных вен и все-таки исполненные особой выразительности и творческой силы. Вероятно, такие руки были у Леонардо да Винчи. Такими руками можно делать всё. Иногда, разговаривая, он шевелит пальцами, постепенно сжимает их в кулак, потом вдруг раскроет его и одновременно произнесет хорошее, полновесное слово. Он похож на бога, не на Саваофа или олимпийца, а на эдакого русского бога, который «сидит на кленовом престоле под золотой липой», и хотя не очень величествен, но, может быть, хитрей всех других богов...

Он напоминает тех странников с палочками, которые всю жизнь меряют землю, проходя тысячи верст от монастыря к монастырю, от мощей к мощам, до ужаса неприютные и чужие всем и всему. Мир – не для них, бог – тоже. Они молятся ему по привычке, а в тайне душевной ненавидят его: зачем гоняет по земле из конца в конец, зачем? Люди – пеньки, корни, камни по дороге, – о них спотыкаешься и порою от них чувствуешь боль. Можно обойтись и без них, но иногда приятно поразить человека своею непохожестью на него, показать свое несогласие с ним.

Если бы он был рыбой, то плавал бы, конечно, только в океане, никогда не заплывая во внутренние моря, а особен-

но – в пресные воды рек. Здесь вокруг него ютится, шмыгает какая-то плотва; то, что он говорит, не интересно, не нужно ей, и молчание его не пугает ее, не трогает. А молчит он внушительно и умело, как настоящий отшельник мира сего. Хотя и много он говорит на свои обязательные темы, но чуется, что молчит еще больше. Иного – никому нельзя сказать. У него, наверное, есть мысли, которых он боится.

В тетрадке дневника, которую он дал мне читать, меня поразил странный афоризм: «Бог есть мое желание».

Сегодня, возвратив тетрадь, я спросил его – что это?

– Незаконченная мысль, – сказал он, глядя на страницу прищуренными глазами. – Должно быть, я хотел сказать: бог есть мое желание познать его... Нет, не то... – Засмеялся и, свернув тетрадку трубочкой, сунул ее в широкий карман своей кофты. С богом у него очень неопределенные отношения, но иногда они напоминают мне отношения «двух медведей в одной берлоге».

* * *

Гуляли в Юсуповском парке. Он великолепно рассказывал о нравах московской аристократии. Большая русская баба работала на клумбе, согнувшись под прямым углом, обнажив слоновьи ноги, потряхивая десятифунтовыми грудями. Он внимательно посмотрел на нее.

– Вот такими кариатидами и поддерживалось всё это ве-

ликолепие и сумасбродство. Не только работой мужиков и баб, не только оброком, а в чистом смысле кровью народа. Если бы дворянство время от времени не спаривалось с такими вот лошадьми, оно уже давно бы вымерло. Так тратить силы, как тратила их молодежь моего времени, нельзя безнаказанно. Но, перебесившись, многие женились на дворовых девках и давали хороший приплод. Так что и тут спасала мужицкая сила. Она везде на месте. И нужно, чтобы всегда половина рода тратила свою силу на себя, а другая половина растворялась в густой деревенской крови и ее тоже немного растворяла. Это полезно.

О женщинах он говорит охотно и много, как французский романист, но всегда с тою грубостью русского мужика, которая – раньше – неприятно подавляла меня. Сегодня в Миндальной роще он спросил Чехова:

– Вы сильно распутничали в юности?

А. П. смятенно ухмыльнулся и, подергивая бородку, сказал что-то невнятное, а Л. Н., глядя в море, признался:

– Я был неутомимый...

Он произнес это сокрушенно, употребив в конце фразы соленое мужицкое слово. Тут я впервые заметил, что он произнес это слово так просто, как будто не знает достойного, чтобы заменить его. И все подобные слова, исходя из его мохнатых уст, звучат просто, обыкновенно, теряя где-то свою солдатскую грубость и грязь. Вспоминается моя первая встреча с ним, его беседа о «Вареньке Олесовой», «Двадцать

шесть и одна». С обычной точки зрения речь его была цепью «неприличных» слов. Я был смущен этим и даже обижен; мне показалось, что он не считает меня способным понять другой язык. Теперь понимаю, что обижаться было глупо.

* * *

Он сидел на каменной скамье под кипарисами, сухонький, маленький, серый и все-таки похожий на Саваофа, который несколько устал и развлекается, пытаясь подсвистывать зяблику. Птица пела в густоте темной зелени, он смотрел туда, прищурив острые глазки, и, по-детски – трубой – сложив губы, насвистывал неумело.

– Как ярится пичужка! Наяривает. Это – какая?

Я рассказал о зяблике и о чувстве ревности, характерном для этой птицы.

– На всю жизнь одна песня, а – ревнив. У человека сотни песен в душе, но его осуждают за ревность – справедливо ли это? – задумчиво и как бы сам себя спросил он. – Есть такие минуты, когда мужчина говорит женщине больше того, что ей следует знать о нем. Он сказал – и забыл, а она помнит. Может быть, ревность – от страха унижить душу, от боязни быть униженным и смешным? Не та баба опасна, которая держит за..., а которая – за душу.

Когда я сказал, что в этом чувствуется противоречие с «Крейцеровой сонатой», он распустил по всей своей бороде

сияние улыбки и ответил:

– Я не зяблик.

Вечером, гуляя, он неожиданно произнес:

– Человек переживает землетрясения, эпидемии, ужасы болезней и всякие мучения души, но на все времена для него самой мучительной трагедией была, есть и будет – трагедия спальни.

Говоря это, он улыбался торжественно, – у него является иногда такая широкая, спокойная улыбка человека, который преодолел нечто крайне трудное или которого давно грызла острая боль, и вдруг – нет ее. Каждая мысль впивается в душу его, точно клещ; он или сразу отрывает ее, или же дает ей напиться крови вдоволь, и, назрев, она незаметно отпадает сама...

Больше всего он говорит о боге, о мужике и о женщине. О литературе – редко и скудно, как будто литература чужое ему дело. К женщине он, на мой взгляд, относится непримиримо враждебно и любит наказывать ее, – если она не Кити и не Наташа Ростова, то есть существо недостаточно ограниченное. Это – вражда мужчины, который не успел исчерпать столько счастья, сколько мог, или вражда духа против «унизительных порывов плоти»? Но это – вражда, и – холодная, как в «Анне Карениной». Об «унизительных порывах плоти» он хорошо говорил в воскресенье, беседа с Чеховым и Елпатьевским по поводу «Исповеди» Руссо. Сулер записал его слова, а потом, приготавливая кофе, сжег записку на спир-

товке. А прошлый раз он спалил суждения Л. Н. об Ибсене и потерял записку о символизме свадебных обрядов, а Л. Н. говорил о них очень языческие вещи, совпадая кое в чем с В. В. Розановым.

* * *

Иногда кажется: он только что пришел откуда-то издалека, где люди иначе думают, чувствуют, иначе относятся друг к другу, даже – не так двигаются и другим языком говорят. Он сидит в углу, усталый, серый, точно запыленный пылью иной земли, и внимательно смотрит на всех глазами чужого и немого.

«Что значит – знать? Вот я знаю, что я – Толстой, писатель, у меня – жена, дети, седые волосы, некрасивое лицо, борода, – всё это пишут в паспортах. А о душе в паспортах не пишут, о душе я знаю одно: душа хочет близости к богу. А что такое – бог? То, частица чего есть моя душа. Вот и всё. Кто научился размышлять, тому трудно верить, а жить в боге можно только верой. Тертулиан сказал: «Мысль есть зло».

Несмотря на однообразие проповеди своей, – безгранично разнообразен этот сказочный человек.

Сегодня, в парке, беседа с муллой Гаспры, он держал себя, как доверчивый простец-мужичок, для которого пришел час подумать о конце дней. Маленький и как будто нароч-

но еще более съежившийся, он, рядом с крепким, солидным татаринном, казался старичком, душа которого впервые задумалась над смыслом бытия и – боится ее вопросов, возникших в ней. Удивленно поднимал мохнатые брови и, пугливо мигая остренькими глазками, погасил их нестерпимый, пронизательный огонек. Его читающий взгляд недвижно впился в широкое лицо муллы, и зрачки лишились остроты, смущающей людей.

Он ставил мулле «детские» вопросы о смысле жизни, душе и боге, с необыкновенной ловкостью подменяя стихи Корана стихами Евангелия и пророков. В сущности – он играл, делая это с изумительным искусством, доступным только великому артисту и мудрецу.

Несколько раз я видел на его лице, в его взгляде, хитренькую и довольную усмешку человека, который, неожиданно для себя, нашел нечто спрятанное им. Он спрятал что-то и – забыл: где спрятал? Долгие дни жил в тайной тревоге, всё думая: куда же засунул я это, необходимое мне? И – боялся, что люди заметят его тревогу, его утрату, заметят и – сделают ему что-нибудь неприятное, нехорошее. Вдруг – вспомнил, нашел. Весь исполнился радостью и, уже не заботясь скрыть ее, смотрит на всех хитренько, как бы говоря:

«Ничего вы со мною не сделаете».

Но о том – что нашел и где – молчит.

Как-то он неожиданно спросил меня – точно ударил:

– Вы почему не веруете в бога?

– Веры нет, Л. Н.

– Это – неправда. Вы по натуре верующий, и без бога вам нельзя. Это вы скоро почувствуете. А не веруете вы из упрямства, от обиды: не так создан мир, как вам надо. Не веруют также по застенчивости; это бывает с юношами: боготворят женщину, а показать это не хотят, боятся – не поймет, да и храбрости нет. Для веры – как для любви – нужна храбрость, смелость. Надо сказать себе – верую, – и всё будет хорошо, всё явится таким, как вам нужно, само себя объяснит вам и привлечет вас. Вот вы многое любите, а вера – это и есть усиленная любовь, надо полюбить еще больше – тогда любовь превратится в веру. Когда любят женщину – так самую лучшую на земле, – непременно и каждый любит самую лучшую, а это уже – вера. Неверующий не может любить. Он влюбляется сегодня в одну, через год – в другую. Душа таких людей – бродяга, она живет бесплодно, это – нехорошо. Вы родились верующим, и нечего ломать себя. Вот вы говорите – красота? А что же такое красота? Самое высшее и совершенное – бог.

Раньше он почти никогда не говорил со мной на эту тему, и ее важность, неожиданность как-то смяла, опрокинула

меня. Я молчал. Он, сидя на диване, поджал под себя ноги, выпустил в бороду победоносную улыбочку и сказал, грозя пальцем:

– От этого – не отмолчитесь, нет!

А я, не верующий в бога, смотрю на него почему-то очень осторожно, немножко боязливо, смотрю и думаю:

«Этот человек – богоподобен!»

Максим Горький

Одумайтесь!

«Ныне ваше время и власть тьмы».
Лука, XXII, 53

I

«Только беззакония ваши были средостением между вами и Богом вашим, и грехи ваши закрыли лицо его от вас, чтобы он не слышал; потому что руки ваши осквернены кровью и персты ваши беззаконием; уста ваши говорят ложь; язык ваш произносит неправду. Никто не поднимает голоса за правду и никто не судится по истине; уповают на пустое и говорят ложью, зачинают беду и рождают беззаконие. Дела их суть дела греховные, и руки их производят насилие; ноги их бегут ко злу и спешат проливать невинную кровь; помышления их – помышления греховные; опустошение и гибель на пути их; они не знают пути мира, и нет правосудия на стезях их, они сами искривили свои пути; никто ходящий по ним не знает мира. Потому то и далеко от нас правосудие, и правда не доходит до нас; мы ожидаем света, но вот тьма; ждем сияния, но ходим во мраке; ощупываем стену, как слепые, и ощупью ходим, как безглазые, в полдень

спотыкаемся, как в сумерки, в темноте, как мертвецы». *Исаия, LIX 2–4, 6–10*

«Ограничимся тем, что напомним, что различные государства Европы накопили долг в 130 миллиардов, из которых около 110 сделано в продолжение одного века, и что весь колоссальный долг этот сделан исключительно для расходов по войне, что европейские государства держат в мирное время в войске более 4 миллионов людей и могут довести это число до 110 миллионов в военное время; что две трети их бюджетов поглощены процентами на долг и содержанием армий сухопутных и морских».

Молинали

«Но война более уважаема, чем когда-либо. Искусный артист этого дела, гениальный убийца г-н Мольтке, такими странными словами отвечал делегатам мира:

– Война свята, божественного учреждения, один из священных законов мира. Она поддерживает в людях все великие и благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость; одним словом, спасает людей от отвратительного материализма.

Так что соединиться в стада четырехсот тысяч человек, без отдыха ходить день и ночь, ни о чем не думать, ничего не изучать, ничему не научиться, ничего не читать, не быть полезным никому, загнивать в нечистоте, спать в грязи, жить как скоты, в постоянном одурении, грабить города, сжигать деревни, разорять

народы, потом, встретив такое же другое скопище человеческого мяса, бросаться на него, проливать озера крови, покрывать поля разорванным мясом и кучами трупов устилать землю, быть искалеченными, быть разможженными без пользы для кого бы то ни было и наконец издохнуть где-нибудь на чужом поле, тогда как ваши родители, ваша жена и дети дома умирают о голода, – это называется спасать людей от отвратительного материализма».

Гюи де Мопассан

Опять война. Опять никому не нужные, ничем не вызванные страдания, опять ложь, опять всеобщее одурение, озверение людей.

Люди, десятками тысяч верст отделенные друг от друга, сотни тысяч таких людей, с одной стороны буддисты, закон которых запрещает убийство не только людей, но животных, с другой стороны христиане, исповедующие закон братства и любви, как дикие звери, на суше и на море ищут друг друга, чтобы убить, замучить, искалечить самым жестоким образом.

Что же это такое? Во сне это или наяву? Совершается что-то такое, чего не должно, не может быть, – хочется верить, что это сон, и проснуться.

Но нет, это не сон, а ужасная действительность.

Еще можно понять, что оторванный от своего поля, бедный, неученый, обманутый японец, которому внушено, что буддизм не состоит в сострадании ко всему живому, а в

жертвоприношениях идолам, и такой же бедняга тульский, нижегородский, полуграмотный малый, которому внушено, что христианство состоит в поклонении Христу, Богородице, святым и их иконам, – можно понять, что эти несчастные люди, доведенные вековым насилием и обманом до признания величайшего преступления в мире – убийства братьев – доблестным делом, могут совершать эти страшные дела, не считая себя в них виноватыми. Но как могут так называемые просвещенные люди проповедовать войну, содействовать ей, участвовать в ней, и, что ужаснее всего, не подвергаясь опасностям войны, возбуждать к ней, посылать на нее своих несчастных, обманутых братьев? Ведь не могут же эти так называемые просвещенные люди, не говоря уже о христианском законе, если они признают себя его исповедниками, не знать всего того, что писалось, пишется, говорилось и говорится о жестокости, ненужности, бессмысленности войны. Ведь потому они и считаются просвещенными людьми, что они знают всё это. Большинство из них сами писали или говорили об этом. Не говоря уже о вызвавшей всеобщее восхваление Гаагской конференции, о всех книгах, брошюрах, газетных статьях, речах, трактующих о возможности разрешения международных недоразумений международными судилищами, все просвещенные люди не могут не знать того, что всеобщие вооружения государств друг перед другом неизбежно должны привести их к бесконечным войнам или к всеобщему банкротству, или к тому и дру-

гому вместе; не могут не знать, что кроме безумной, бесцельной траты миллиардов рублей, т. е. трудов людских на приготовления к войнам, в самых войнах гибнут миллионы самых энергических, сильных людей в лучшую для производительного труда пору их жизни (войны прошлого столетия погубили 14 000 000 людей). Не могут просвещенные люди не знать того, что поводы к войнам всегда такие, из-за которых не стоит тратить не только одной жизни человеческой, но и одной сотой тех средств, которые расходуются на войну (на освобождение негров истрчено в много раз больше того, что стоил бы выкуп всех негров юга). Все знают, не могут не знать главного, что войны, вызывая в людях самые низкие, животные страсти, развращают, озверяют людей. Все знают неубедительность доводов, приводимых в пользу войн, в роде тех, которые приводил Де-Местр, Мольтке и другие,

Милитаристский плакат времен русско-японской войны

так как все они основаны на том софизме, что во всяком бедствии человеческом можно найти полезную сторону, или на совершенно произвольном утверждении, что войны всегда были и потому всегда будут, как будто дурные поступки людей могут оправдываться теми выводами и пользой, которые они приносят, или тем, что они в продолжение долгого времени совершались. Все так называемые просвещенные люди знают всё это. И вдруг начинается война, и всё это мгновенно забывается, и те самые люди, которые вчера еще доказывали жестокость, ненужность, безумие войн, нынче думают, говорят, пишут только о том, как бы побить как можно больше людей, разорить и уничтожить как можно больше произведений труда людей, и как бы как можно сильнее разжечь страсти человеконенавистничества в тех мирных, безобидных, трудолюбивых людях, которые своими трудами кормят, одевают, содержат тех самых мнимо-просвещенных людей, заставляющих их совершать эти страшные, противные их совести, благу и вере дела.

II

«И Микромегас сказал:

— О, вы, разумные атомы, в которых вечное Существо выразило свое искусство и свое могущество, вы, верно, пользуетесь чистыми радостями на вашем земном шаре, потому что, будучи так мало материальны

и так развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь в любви и мышлении, так как в этом настоящая жизнь духовных существ».

На эту речь все философы покачали головами, и один из них, наиболее откровенный, сказал, что, за исключением малого числа мало уважаемых жителей, всё остальное население состоит из безумцев, злодеев и несчастных.

– В нас больше телесности, чем нужно, если зло происходит от телесности, и слишком много духовности, если зло происходит от духовности, – сказал он. – Так, например, в настоящую минуту тысячи безумцев в шляпах убивают тысячи других животных в чалмах или убиваемы ими, и так это ведется с незапамятных времен по всей земле.

– Из-за чего же ссорятся эти маленькие животные?

– Из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи, величиной с вашу пятку, – отвечал философ, – и ни одному из людей, которые режут друг друга, нет ни малейшего дела до этого кусочка грязи. Вопрос для них только в том, будет ли этот кусочек принадлежать тому, кого называют султаном, или тому, кого называют кесарем, хотя ни тот, ни другой не видал этого кусочка земли. Из тех же животных, которые режут друг друга, почти никто не видал того животного, ради которого они режутся.

– Несчастные, – воскликнул Сириец, – можно ли представить себе такое безумное бешенство! Право, мне хочется сделать три шага и раздавить весь

муравейник этих смешных убийц.

– Не трудитесь делать этого, – отвечали ему. – Они сами заботятся об этом. Впрочем, и не их надо наказывать, а тех, варваров, которые, сидя в своих дворцах, предписывают убийства людей и велят торжественно благодарить за это Бога».

Вольтер

«Безумие современных войн оправдывается династическим интересом, национальностью, европейским равновесием, честью. Этот последний мотив самый дикий, потому что нет ни одного народа, который не осквернил бы себя всеми преступлениями и постыдными поступками, нет ни одного, который не испытал бы всевозможных унижений. Ежели же и существует честь в народах, то какой же странный способ поддерживать ее войной, то есть всеми теми преступлениями, которыми бесчестит себя честный человек: поджигательством, грабежами, убийством...»

Анатоль Франс

«Дикий инстинкт военного убийства так заботливо в продолжение тысячелетий культивировался и поощрялся, что пустил глубокие корни в мозгу человеческом. Надо надеяться однако, что лучшее, чем ваше, человечество, сумеет освободиться от этого ужасного преступления.

Но что подумает тогда это лучшее человечество о той так называемой утонченной цивилизации, которой мы так гордимся?

А почти то же, что мы думаем о древне-мексиканском народе и его канибализме в одно и то же время воинственном, набожном и животном».

Летурио

«Иногда один властелин нападает на другого из страха, чтобы тот не напал на него. Иногда начинают войну потому, что неприятель слишком силен, а иногда потому, что слишком слаб; иногда наши соседи желают того, чем мы владеем или владеют тем, что нам недостает. Тогда начинается война до тех пор, покуда они захватят то, что им нужно, или отдадут то, что нужно нам».

Джонатан Свифт

Совершается что-то непонятное и невозможное по своей жестокости, лживости и глупости.

Русский царь, тот самый, который призывал все народы к миру, всенародно объявляет, что, несмотря на все заботы свои о сохранении дорогого его сердцу мира (заботы, выражавшиеся захватом чужих земель и усилением войск для защиты этих захваченных земель), он, вследствие нападения японцев, повелевает делать по отношению японцев то же, что начали делать японцы по отношению русских, т. е. убивать их; и объявляя об этом призыве к убийству, он поминает Бога, призывая Его благословение на самое ужасное в свете преступление. То же самое по отношению русских провозгласил японский император. Ученые юристы, господина Мура-

вьев и Мартенс, старательно доказывают, что в призыве народов ко всеобщему миру и возбуждении войны из-за захватов чужих земель нет никакого противоречия. И дипломаты на утонченном французском языке печатают и рассылают циркуляры, в которых подробно и старательно доказывают, — хотя и знают, что никто им не верит, — что только после всех попыток установить мирные отношения (в действительности, всех попыток обмануть другие государства) русское правительство вынуждено прибегнуть к единственному средству разумного разрешения вопроса, т. е. к убийству людей. И то же самое пишут японские дипломаты. Ученые, историки, философы, с своей стороны сравнивая настоящее с прошедшим и делая из этих сопоставлений глубокомысленные выводы, пространно рассуждают о законах движения народов, об отношении желтой и белой расы, буддизма и христианства, и на основании этих выводов и соображений оправдывают убийство христианами людей желтой расы, точно так же как ученые и философы японские оправдывают убийство людей белой расы. Журналисты, не скрывая своей радости, стараясь перещеголять друг друга и не останавливаясь ни перед какой, самой наглой, очевидной ложью, на разные лады доказывают, что и правы, и сильны, и во всех отношениях хороши только русские, а не правы и слабы и дурны во всех отношениях все японцы, а также дурны и все те, которые враждебны или могут быть враждебны русским — англичане, американцы, что точно так же по отношению

русских доказываются японцами и их сторонниками.

И не говоря уже о военных, по своей профессии готовящихся к убийству, толпы так называемых просвещенных людей, ничем и никем к этому не побуждаемых, как профессора, земские деятели, студенты, дворяне, купцы, выражают самые враждебные, презрительные чувства к японцам, англичанам, американцам, к которым они вчера еще были доброжелательны или равнодушны, и без всякой надобности выражают самые подлые, рабские чувства перед царем, к которому они, по меньшей мере, совершенно равнодушны, уверяя его в своей беспредельной любви и готовности жертвовать для него своими жизнями.

И несчастный, запутанный молодой человек, признаваемый руководителем 130-миллионного народа, постоянно обманываемый и поставленный в необходимость противоречить самому себе, верит и благодарит и благословляет на убийство войско, которое он называет своим, для защиты земель, которые он еще с меньшим правом может называть своими. Все подносят друг другу безобразные иконы, в которые не только никто из просвещенных людей не верит, но которые безграмотные мужики начинают оставлять, все в землю кланяются перед этими иконами, целуют их и говорят высокопарно-лживые речи, в которые никто не верит.

Богачи жертвуют ничтожные доли своих безнравственно нажитых богатств на дело убийства или на устройство помощи в деде убийства, и бедняки, с которых правительство

собирает ежегодно два миллиарда, считают нужным делать то же самое, отдавая правительству и свои гроши. Правительство возбуждает и поощряет толпы праздных гуляк, которые, расхаживая с портретом царя по улицам, поют, кричат «ура» и под видом патриотизма делают всякого рода бесчинства. И по всей России, от дворца до последнего села, пастыри церкви, называющей себя христианской, призывают того Бога, который велел любить врагов, Бога-Любовь на помощь делу дьявола, на помощь человекоубийству.

И одуренные молитвами, проповедями, воззваниями, процессиями, картинками, газетами, пушечное мясо, сотни тысяч людей однообразно одетые, с разнообразными орудиями убийства, оставляя родителей, жен, детей, с тоской на сердце, но с напущенным молодечеством, едут туда, где они, рискуя смертью, будут совершать самое ужасное дело: убийство людей, которых они не знают и которые им ничего дурного не сделали. И за ними едут врачи, сестры милосердия, почему-то полагающие, что дома они не могут служить простым, мирным, страдающим людям, а могут служить только тем людям, которые заняты убийством друг друга. Остающиеся же дома радуются известиям об убийстве людей и, когда узнают, что убитых японцев много, благодарят за это кого-то, кого они называют Богом.

И всё это не только признается проявлением высоких чувств, но люди, воздерживающиеся от таких проявлений, если они пытаются образумить людей, считаются изменни-

ками, предателями и находятся в опасности быть обруганными и избитыми озверевшей толпой людей, не имеющих в защиту своего безумия и жестокости никакого иного орудия, кроме грубого насилия.

III

«Война образует людей, перестающих быть гражданами и делающихся солдатами. Их привычки выделяют их из общества, их главное чувство есть преданность начальнику, они в лагерях приучаются к деспотизму, к тому, чтобы достигать своих целей насилием и играть правами и счастьем ближних; их главное удовольствие – бурные приключения, опасности. Мирные труды им противны.

Война сама собой производит войну и продолжает ее без конца. Победивший народ, опьяненный успехом, стремится к новым победам; пострадавший же народ, раздраженный поражением, спешит восстановить свою честь и свои потери.

Народы, озлобленные друг против друга взаимными обидами, желают друг другу унижения, разорения. Они радуются тому, что болезни, голод, нужда, поражения постигают враждебную страну.

Убийство тысяч людей вместо сострадания вызывает в них восторженную радость: города освещаются иллюминациями, и вся страна празднует.

Так огрубевает сердце человека и воспитываются его

худшие страсти. Человек отрекается от чувств симпатии и гуманности».

Чаннинг

«Наступил возраст военной службы, и всякий молодой человек должен подчиняться не имеющим объяснения приказаниям негодяя или невежды; он должен поверить, что благородство и величие состоят в том, чтобы отказаться от своей воли и сделаться орудием воли другого, рубить и быть рубимым, страдать от голода, жажды, дождя и холода, быть искалеченным, не зная зачем, без другого вознаграждения, как чарка водки в день сражения и обещание неосязаемой и фиктивной вещи – бессмертия после смерти и славы, которую дает или в которой отказывает газетчик своим пером, сидя в теплой комнате.

Выстрел. Он раненый падает. Товарищи доканчивают его, топча ногами. Его закапывают полуживого, и тогда он может наслаждаться бессмертием. Товарищи, родные забывают его; тот, кому он отдал свое счастье, свое страдание и свою жизнь, никогда не знал его. И после нескольких лет кто-нибудь отыскивает его побелевшие кости и из них делает черную краску и английскую ваксу, чтобы чистить сапоги его генерала».

Альфонс Карр

«Они берут человека во всей силе, в лучшую пору молодости, дают ему в руки ружье, на спину ранец, а голову его отмечают кокардой, потом говорят ему;

«Мой собрат, государь такой-то дурно обошелся со мной, и потому ты должен нападать на всех его подданных; я объявил им, что ты такого-то числа явишься на их границу, чтобы убивать их...»

«Ты, может быть, по неопытности подумаешь, что наши враги – люди, но это не люди, а пруссаки, французы (японцы); ты будешь отличать их от человеческой породы по цвету их мундира. Постарайся исполнить как можно лучше твою обязанность, потому что я, оставаясь дома, буду наблюдать за тобой. Если ты победишь, то, когда вы возвратитесь, я выйду к вам в мундире и скажу: солдаты, я доволен вами. В случае если ты останешься на поле сражения, что весьма во вероятно, я пошлю сведения о твоей смерти твоему семейству, чтобы оно могло оплакивать тебя и наследовать после тебя. Если ты лишишься руки или ноги, я заплачу тебе, что они стоят. Если же ты останешься жив и будешь уже негоден, чтобы носить ранец, я дам тебе отставку, и ты можешь идти издыхать где хочешь, это до меня не касается».

Клод Тилье

«И я понял дисциплину, именно то, что капрал всегда прав, когда он говорит с солдатом, сержант, когда он говорит с капралом, унтер-офицер, когда он говорит с сержантом, и т. д., до фельдмаршала, хотя бы они говорили, что дважды два – пять! Сначала это трудно понять, но пониманию этого помогает то, что в каждой казарме висит табличка, и ее прочитывают,

чтобы уяснить свои мысли. На этой табличке написано все то, что может желать сделать солдат, как, например, возвратиться в свою деревню, отказаться от исполнения службы, не покориться своему начальнику и прочее, и за всё это обозначены наказания: смертная казнь или пять лет каторжной работы».

Эркман-Шатриан

«Я купил негра, он мой. Он работает, как лошадь; я плохо кормлю его, так же одеваю и бью его, когда он не слушается. Что же тут удивительного? Разве мы лучше обращаемся с своими солдатами? Разве они не лишены свободы так же, как этот негр? Разница только в том, что солдат стоит гораздо дешевле. Хороший негр стоит теперь по крайней мере 500 экю, хороший солдат стоит едва 50. Ни тот, ни другой не может уйти о того места, где их держат; и того и другого бьют за малейшую ошибку: жалованье почти одинаковое, но негр имеет преимущество перед солдатом в том, что не подвергает опасности свою жизнь, а проводит ее с своей женой и детьми».

(Questions sur l'Encyclopédie, par des amateurs, Art. Esclavage.)

Точно как будто не было ни Вольтера, ни Монтеня, ни Паскаля, ни Свифта, ни Канта, ни Спинозы, ни сотен других писателей, с большой силой обличавших бессмысленность, ненужность войны и изображавших ее жестокость, безнравственность, дикость и, главное, точно как будто не было Христа и его проповеди о братстве людей и любви к Богу и лю-

дям.

Вспомнишь всё это и посмотришь вокруг себя на то, что делается теперь, и испытываешь ужас уже не перед ужасами войны, а перед тем, что ужаснее всех ужасов, – перед сознанием бессилия человеческого разума.

То, что единственно отличает человека от животного, то, что составляет его достоинство – его разум, оказывается ненужным, бесполезным, даже не бесполезным, а вредным придатком, только затрудняющим всякую деятельность, в роде как узда, сбившаяся с головы лошади и путающаяся в ее ногах и только раздражающая ее.

Понятно, что язычник грек, римлянин, даже средневековой христианин, не знавший Евангелия и слепо веровавший во все предписания церкви, мог воевать и, воюя, гордиться своим военным званием; но как может верующий христианин или даже неверующий, но весь невольно проникнутый христианскими идеалами братства людей и любви, которым воодушевлены произведения философов, моралистов, художников нашего времени, как может такой человек взять ружье или стать к пушке и целиться в толпы ближних, желая убить их как можно больше?

Ассирияне, римляне, греки могли быть уверены, что, воюя, поступают не только согласно с своей совестью, но совершают даже доброе дело. Но ведь, хотим мы или не хотим этого, мы христиане, и христианство, как бы оно ни было извращено, общий дух его, не мог не поднять нас на ту

высшую ступень разума, с которой уже мы не можем не чувствовать всем существом своим не только безумия, жестокости войны, но совершенной противоположности всему, что мы считаем хорошим и должным. И потому мы не можем делать того же не только уверенно, твердо и спокойно, но без сознания своей преступности, без отчаянного чувства того преступника-убийцы, который, начав убивать свою жертву и сознавая в глубине души преступность начатого дела, старается одурманить, раздражить себя, чтобы быть в состоянии докончить ужасное дело. Всё это неестественное, лихорадочное, горячее, безумное возбуждение, охватившее теперь праздные верхние слои русского общества, есть только признак сознания преступности совершаемого дела. Все эти наглые, лживые речи о преданности, обожании монарха, о готовности жертвовать жизнью (надо бы сказать чужой, а не своей), все эти обещания отстаивания грудью чужой земли, все эти бессмысленные благословения друг друга разными стягами и безобразными иконами, все эти молебны, все эти приготовления простынь и бинтов, все эти отряды сестер милосердия, все эти жертвы на флот и Красный Крест, отдаваемые тому правительству, прямая обязанность которого в том, чтобы, имея возможность собирать с народа сколько ему нужно денег, объявив войну, завести нужный флот и нужные средства перевязки раненых, все эти славянские напыщенные, бессмысленные и кощунственные молитвы, про произнесение которых в разных городах газеты сообщают,

как про важную новость, все эти шествия, требования гимна, крики «ура», вся эта ужасная, отчаянная, не боящаяся обличения, потому что всеобщая, газетная ложь, всё это одурение и озверение, в котором находится теперь русское общество и которое передается понемногу и массам, – всё это есть только признак сознания преступности того ужасного дела, которое делается.

Непосредственное чувство говорит людям, что не должно быть того, что они делают, но как тот убийца, который, начав резать свою жертву, не может остановиться, так и русским людям кажется теперь неопровержимым доводом в пользу войны то, что дело начато. Война начата, и потому надо продолжать ее. Так это представляется самым простым, заблудшим, неученым людям, действующим под влиянием мелких страстей и одурения, которому они подверглись. И точно так же рассуждают самые ученые люди нашего времени, доказывая то, что человек не имеет свободы воли, и потому, если бы он и понял, что начатое им дело нехорошо, он не может остановиться.

И ошалевшие, озверевшие люди продолжают ужасное дело.

IV

«Удивительно, до какой степени, благодаря дипломатии и журналам, может самое ничтожное

несогласие превратиться в священную войну. Когда Англия и Франция объявили войну России в 1856 году, то это произошло по такому ничтожному обстоятельству, что надо долго рыться в дипломатических архивах, чтобы понять эту причину. А вместе с тем последствиями этого странного недоразумения была смерть 500 тысяч добрых людей и израсходование от 5 до 6 миллиардов.

В сущности, причины были, но такие, в которых не признаются. Наполеон III хотел посредством союза с Англией и счастливой войны утвердить свою преступного происхождения власть; русские хотели захватить Константинополь; англичане хотели утвердить могущество своей торговли и помешать влиянию русских на Востоке. Под одним или другим видом это всегда тот же дух завоевания и насилия».

Руссе

«Может ли быть что-нибудь нелепее того, что человек имеет право убить меня, потому что он живет на той стороне реки и что его государь в ссоре с моим, хотя я и не ссорился с ним?»

Паскаль

«Обитатели земной планеты находятся еще в таком состоянии нелепости, неразумия, тупости, что каждый день читаешь в журналах цивилизованных стран обсуждение дипломатических отношений глав государств, имеющих целью союзы против предполагаемого врага, приготовление войн, при

которых народы позволяют своим руководителям располагать ими как скотом, ведомым на бойню, как будто и не подозревая того, что жизнь каждого человека есть его личная собственность.

Обитатели этой странной планеты все воспитаны в убеждении, что есть народы, границы, знамена, и все имеют такое слабое сознание человечности, что это чувство совершенно исчезает перед представлением отечества... Правда, что если бы мыслящие люди сумели согласиться, это положение изменилось бы, так как лично никто не желает войны... Но есть такие политические сцепления, вследствие которых могут существовать миллионы паразитов».

Фламарион

«Когда изучаешь не поверхностно, но основательно различные деятельности человеческие, то нельзя воздержаться от следующего печального размышления: сколько тратится жизнью для продолжения на земле царства зла и как этому злу содействует больше всего учреждение постоянных армий.

Удивление и чувство печали увеличиваются еще при мысли о том, что всё это ненужно и что это зло, принимаемое так благодушно огромным большинством людей, происходит только от их глупости, только оттого, что они позволяют относительно малому числу людей искусных и развращенных эксплуатировать себя».

Патрис Ларрок

Спросите у бросившего старых родителей, жену, детей

солдата-рядового, ефрейтора, унтер-офицера, зачем он готовится убивать неизвестных ему людей, – он сначала удивится вашему вопросу. Он солдат, присягал и должен исполнять приказания начальства. Если же вы скажете ему, что война, т. е. убийство людей, не сходится с заповедью «не убий», то он скажет: «А как же, коли на наших нападают? За царя, за веру православную». (Один на мой вопрос сказал мне: – А как же, коли он на святыню нападет? – На какую? – На знамя.) Если же вы попытаетесь объяснить такому солдату, что заповедь Бога важнее не только знамени, но всего на свете, то он замолчит или рассердится и донесет начальству.

Спросите офицера, генерала, зачем он идет на войну, – он скажет вам, что он военный, а что военные необходимы для защиты отечества. То же, что убийство не сходится с духом христианского закона, не смущает его, потому что он или не верит в этот закон или, если и верит, то не в самый закон, а в то разъяснение, которое дано этому закону. Главное же то, что он, так же как и солдат, на место вопроса личного, что ему делать, всегда подставляет вопрос общий о государстве, отечестве. «В теперешнее время, когда отечество в опасности, надо действовать, а не рассуждать», скажет он.

Спросите дипломатов, которые своими обманами подготавливают войны, зачем они делают это. Они скажут вам, что цель их деятельности в установлении мира между народами и что цель эта достигается не идеальными, неосуществимыми теориями, а дипломатической деятельностью и готовно-

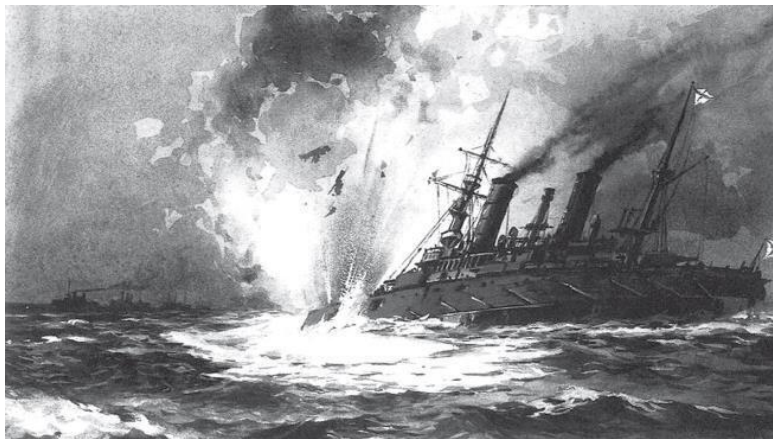
стью к войне. И точно так же, как военные вместо вопроса о своей жизни поставят вопрос общий, так и дипломаты будут говорить об интересах России, о недобросовестности других держав, об европейском равновесии, а не о своей жизни и деятельности.

Спросите журналистов, зачем они своими писаниями возбуждают людей к войне, — они скажут, что войны вообще необходимы и полезны, в особенности же теперешняя война, и подтвердят это свое мнение неясными патриотическими фразами и, точно так же как военные и дипломаты, на вопрос о том, почему он, журналист, определенная личность, живой человек, поступает известным образом, будет говорить об общих интересах народа, государстве, цивилизации, белой расе.

Точно так же объяснят свое участие в деле войны все подготовители ее. Они, пожалуй, согласны в том, что желательно было бы уничтожить войну, но теперь это невозможно, теперь они, как русские и как люди, занимающие известные положения предводителя, земца, врача, деятеля Красного Креста, призваны действовать, а не рассуждать. Некогда рассуждать и о себе думать, скажут они, когда есть великое общее дело.

То же скажет кажущийся виновником всего дела царь. Он, так же как солдат, удивится вопросу о том, нужна ли теперь война. Он не допускает даже мысли о том, что можно было бы теперь прекратить войну. Он скажет, что он не может не

исполнять того, что требует от него весь народ, что, хотя он и признает войну великим злом и употреблял и готов употреблять все средства для уничтожения ее, в данном случае он не мог не объявить ее и не может не продолжать ее. Это необходимо для блага, и величия России.

Русско-японская война. Гибель «Петропавловска»

Все эти люди на вопрос о том, почему он, такой-то, Иван, Петр, Николай, признавая для себя обязанность христианского закона, запрещающего не только убийство ближнего, но требующего любви к нему, служения ему, позволяют себе участие в войне, то есть в насилии, в грабеже, убийстве, – одинаково всегда ответят тем, что поступают они так во имя или отечества, или веры, или присяги, или чести, или цивили-

лизации, или будущего блага всего человечества, вообще чего-то отвлеченного и неопределенного. Кроме того, все эти люди всегда так усиленно заняты или приготовлениями к войне, или распоряжениями, или рассуждениями о ней, что в свободное время могут только отдыхать от своих трудов и не имеют времени заниматься рассуждениями о своей жизни, которые они считают праздными.

V

«Мысль о ужасе останавливается перед неизбежно ожидающей нас в конце века катастрофой, и надо приготавливаться к ней. В продолжение 20 лет (теперь уже более 40) все усилия знания истощаются на то, чтобы изобретать орудия разрушения, и скоро будет достаточно нескольких пушечных выстрелов, чтобы уничтожить целую армию; под ружьем теперь уже не так, как прежде, несколько тысяч продажных бедняков, но народы, целые народы готовятся убивать друг друга. Для того чтобы приготовить их к убийству, разжигают их ненависть, уверяя их, что они ненавидимы, и кроткие люди верят этому, и вот-вот толпы мирных граждан, получив нелепое приказание убивать друг друга, Бог знает из-за какого смешного распределения границ или каких-нибудь торговых, колониальных интересов, бросятся друг на друга с жестокостью диких зверей.

И пойдут они, как бараны, на бойню, зная, куда

они идут, зная, что они оставляют своих жен, что дети их будут голодать; но они будут идти, до такой степени опьяненные звучными и лживыми словами, до такой степени обманутые, что, воображая, что бойня составляет их обязанность, будут просить Бога благословить их кровавые дела. И будут они идти, растапывая урожаи, которые они сеяли, сжигая города, которые они строили, о восторженным пением, криками радости, праздничной музыкой, будут идти без возмущения, покорные и смиренные, несмотря на то, что в них сила и что, если бы они могли согласиться, они установили бы здравый смысл и братство вместо диких хитростей дипломатов».

Э. Род

«Очевидец рассказывает, что он в нынешнюю русско-японскую войну увидел, войдя на палубу Варяга. Зрелище было ужасно. Везде кровь, обрывки человеческого мяса, туловища без голов, оторванные руки, запах крови, от которого тошнило самых привычных. Боевая башня более всех пострадала. Гранату разорвало на ее вершине и убило молодого офицера, который руководил наводкой. От несчастного осталась только сжатая рука, державшая инструмент. Из четырех людей, бывших с командиром, два были разорваны в куски, два другие сильно ранены (это те, о которых я рассказывал и которым отрезали обе ноги и потом должны были еще раз отрезать их); командир отделался ударом осколка в висок.

И это не всё. Нейтральные не могут принять на свои пароходы раненых, потому что гангрена и горячка заразительны.

Гангрена и гнойные госпитальные заражения составляют вместе с голодом, пожаром, разорениями, болезнями, тифом, оспой тоже часть военной славы, – такова война.

А между тем Жозеф Местр так воспевал благодеяния войны: «Когда человеческая душа вследствие изнеженности теряет свою упругость, становится неверующей и усваивает гнилостные пороки, которые следуют за излишками цивилизации, она может быть восстановлена только в крови».

Господин Вогюе, академик, так же как и г. Брюнетьер, говорят почти то же самое.

Но бедняки, из которых делается пушечное мясо, имеют право не соглашаться с этим.

К несчастью, они не имеют мужества своих убеждений. От этого всё зло. Привыкнув издавна позволять убивать себя ради вопросов, которые они не понимают, они продолжают это делать, воображая, что всё идет очень хорошо.

От этого-то теперь там лежат трупы, которые под водой поедает морские раки.

В то время когда картечь разбивала всё вокруг них, едва ли они рады были думать, что всё это делается для их блага, чтобы восстановить душу их современников, потерявшую свою упругость от излишка цивилизации.

Несчастные, вероятно, не читали Жозефа Местра. Я

советую раненым читать его между двумя перевязками.

Они узнают, что война так же необходима, как и палач, потому что, как и он, она есть проявление справедливости Бога.

И эта великая мысль будет служить им утешением в то время, когда пила хирурга будет распиливать их кости».

Hardouin

«В «Русских Ведомостях» я прочла рассуждение о том, что выгода России в том, что у нее неистощимый человеческий материал.

Для детей, у которых убьют отца, у жены – мужа, у матери – сына, материал этот истощается скоро».

(Из частного письма русской матери. Март, 1904 г.)

«Вы спрашиваете, необходима ли еще война между цивилизованными народами. Я отвечаю: не только уже не необходима, но никогда и не была необходима, никогда. Она всегда нарушала правильное историческое развитие человечества, нарушала право, задерживала прогресс.

Если последствия войн иногда и бывали выгодны для общей цивилизации, то вредных последствий было гораздо больше. Мы обманываемся потому, что только часть вредных последствий тотчас же очевидна. Большая часть их, и самых важных, незаметны нам. И потому мы не можем допустить слово «еще». Допущение этого слова дает право защитникам войны утверждать, что спор между нами есть дело

только временного соответствия и личной оценки, и разногласие наше тогда сведется к тому, что мы считаем войну бесполезной, тогда как они считают ее еще полезной. Они охотно согласятся с нами, с такой постановкой вопроса, и скажут, что война, действительно, может сделаться бесполезной и даже вредной, но только завтра, но не нынче; нынче же они считают нужным произвести над народом те страшные кровопускания, называемые войнами, которые совершаются только для удовлетворения личных честолюбий самого малого меньшинства.

Потому что такова была и такова теперь единственная причина войн: власть, почести, богатства малого числа людей в ущерб массам, естественное легковерие которых и предрассудки, вызываемые и поддерживаемые этим меньшинством, дают эту возможность».

Гастон Мох

Люди нашего христианского мира и нашего времени подобны человеку, который, пропустив настоящую дорогу, чем дальше едет, тем всё больше и больше убеждается в том, что едет не туда, куда надобно. И чем больше он сомневается в верности пути, тем быстрее и отчаяннее гонит по нем, утешаясь мыслью, что куда-нибудь да выедет. Но приходит время, когда становится совершенно ясно, что путь, по которому он едет, никуда не приведет, кроме как к пропасти, которую он начинает уже видеть перед собой.

В таком положении находится теперь христианское чело-

вечество нашего времени. Ведь совершенно очевидно, что если мы будем продолжать жить так же, как теперь, руководясь как в частной жизни, так и в жизни отдельных государств одним желанием блага себе и своему государству, и будем, как теперь, обеспечивать это благо насилем, то, неизбежно увеличивая средства насилия друг против друга и государства против государства, мы, во-первых, будем всё больше и больше разоряться, перенося бóльшую часть своей производительности на вооружение; во-вторых, убивая в войнах друг против друга физически лучших людей, будем всё более и более вырождаться и нравственно падать и развращаться.

Что это так будет, если мы не изменим нашей жизни, это так же верно, как математически верно то, что две непараллельные линии должны встретиться. Но мало того, что это теоретически верно: в наше время это становится верно уже не для одного рассудка, но и для чувства. Пропать, к которой мы идем, уже становится видна нам, и самые простые, не философствующие, неученые люди не могут не видеть того, что, всё больше и больше вооружаясь друг против друга и истребляя друг друга на войнах, мы, как пауки в банке, ни к чему иному не можем прийти, как только к уничтожению друг друга.

Искреннему, серьёзному, разумному человеку нельзя уже утешать себя мыслью о том, что дело может исправить, как это думали прежде, всемирная монархия Рима, Карла Вели-

кого, Наполеона, средневековая духовная власть папы, или священные союзы, или политическое равновесие европейского концерта и мирные международные судилища, или, как думали некоторые, увеличение военных сил и вновь изобретенные могущественные орудия истребления.

Устроить всемирную монархию или республику с европейскими штатами невозможно, потому что различные народы никогда не захотят соединиться в одно государство. Устроить международные судилища для решения международных споров? Но кто же заставит подчиниться решению судилища тяжущегося, у которого под ружьем миллионы войска? Разоружиться? Никто не хочет и не может начинать. Придумать еще более ужасные средства истребления: баллоны с начиненными удушливыми газами бомбами, снарядами, которыми люди будут посыпать друг друга? Что бы ни придумали, все государства заведутся такими же орудиями истребления, пушечное же мясо, как после холодного оружия шло под пули и после пуль покорно шло под гранаты, бомбы, дальнобойные орудия, картечницы, мины, пойдет и под высыпаемые из баллонов бомбы, начиненные удушливыми газами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.